

Семён Краснов

Путь по линии дождя

Стихи

2024 год

84(2 Рос-4 Сам-2 Тол)6
К 78

Краснов С.В.

К 78 Путь по линии дождя, Тольятти, 2024. – 40 с.

Семён Краснов родился в Ставрополе на Волге. Окончил Тольяттинский политехнический институт. Учился в Литературном институте им. Горького. Член Союза писателей России. Автор книг «Писатели и Ставрополь на Волгѣ», «Вершина тишины», «Поэтический путеводитель по Тольятти» и др. Печатался в антологиях, журналах, альманахах, коллективных сборниках Самарской области, Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов России. Работает руководителем литературной молодёжной студии «Новая глава» библиотеки «Фолиант». Живёт в г. Тольятти.

84(2 Рос-4 Сам-2 Тол)6

© Краснов С.В., 2024

© Рогова Анастасия, дизайн обложки, 2024

Линия дождя – это граница между явью и правью, между любовью и нелюбовью, между творчеством и обычной жизнью. Пока идёшь по этой линии, у тебя есть выбор, куда повернуть. Там, за сеткой дождя, всё красиво и заманчиво, но зыбко, непрочно и ненадёжно. Готов ли ты променять свою реальную жизнь на поэтическую небыль – большой вопрос. И он мучает всякого, кто занимается творчеством.

Последней каплей лета по стеклу
стекает блик утраченной надежды,
спадают чьи-то белые одежды,
мелькают чьи-то тени на полу.

Крадётся по бульварам пустота,
Самара закрывает в осень ставни,
и теплоход – приятель стародавний –
гудком даёт команду «от винта».

Прощаюсь с летом в Струковском саду;
тревожно бьётся жилка на запястье,
с печалью жду осеннего ненастья
и зимних дней усталых череду.

Внучке Инне

Спряталось чудо на ветках калины,
Красные розы в хрустальной воде.
В парке гуляет девочка Инна,
Кутаясь в первом весеннем дожде.

На перекрёстках тропинок и просек
Кормит синичек и белок с руки.
С нею гуляют добрые лоси,
Славные ёжики и барсуки.

Между деревьев прячутся сказки.
Леший, шишига и преданный пёс,
И истуканы с острова Пасхи
Бабочек ловят, жуков и стрекоз.

Памятник вальсу на сопках далёких,
В Струковском парке играет оркестр,
И журавлей прилетающих клёкот
Ветер над Волгой разносит окрест.

Плотный туман над Хвалынью,
Пахнет тревожно полынью,
Конь загрустил у пруда.
Первые холода.

Кипенно-белые горы,
Дикие степи, просторы
Скрыла дремучая мгла.
Осень по склонам стекла.

Спряталось время в овраге,
Шепчутся сосны-бродяги,
Спят безмятежно сурки,
Ходит ноябрь у реки,

Яблонь хвалынских поклоны.
Скоро и город, и склоны,
Волгу и берега
Белым укроют снега.

Сказки горы Ташу́
слушать в ночной тиши,
звёздного неба шум,
память разворошив.

Ведьма наворожит
счастья миражи,
белый растает след
вмиг за кормой баржи.

Тропы в лесной глуши,
запахи черемши,
в яблоневых садах –
райские шалаши.

Воздух горы Ташу́
ложкою ешь, дыши,
черпая тишину –
снадобье для души.

Вдыхая запах летних трав,
уйти по логу
искать поросшую быльём
свою дорогу.

Пройти по мостику судьбы
к священной ели,
услышать в звуках ворожбы
злой вой метели,
как за околицей в ночи
завоют волки,
но не найти, хоть в крик кричи,
в стогу иголки.

Синь поднебесья описать
негромким слогом,
в лесах удмуртских отыскать
тропинку к Богу.

*Посвящаю Александру
Ивановичу Мальчикову*

Поселенье Мусóрка.
Сколько зим, сколько лет
храм стоит на пригорке.
Катит велосипед
паренёк белобрысый,
обгоняя рассвет,
брызжет солнце на спицах
в отраженьях планет.
Мимо отчего дома
и намоленных мест,
провожает с поклоном
у дороженьки крест.
Через мелкую речку,
через старенький мост,
в небесах дым от печки
дотянулся до звёзд.
Впереди – жизни горы
и открытый костры,
мудрых мыслей просторы,
вечных знаний миры.

Памятник у Спаса-на-Яру,
светлый лик великого поэта.
Первый день негаданного лета –
зов кукушки рано поутру
будит башни древнего Кремля,
тихо шепчет строки сонный Тру́беж:
«Ты же не жалеешь и не любишь»,
Вдаль уносит ветер журавля.
Постоять на Гле́бовском мосту,
надышаться запахом сирени,
увезти с собою вдохновенье
дивных мест, любовь и красоту.

Время писем от руки –
книжной юности, футбола,
вермута и рок-н-ролла,
всем запретам вопреки.

Мир незапертых дверей,
в белый свет открытых окон,
строф Ахматовой и Блока,
тёмных бунинских аллей.

Каплями живой воды
по стеклу роса бывшего
времени легла, и снова
дождь смывает все следы.

Время отрывных календарей,
варенца́ и одеял лоскутных.
Развернуть бы вереницу дней
и умчать грузовиком попутным.

Лунный свет. Пустой ночной горсад.
Стрелки на часах уснули. Осень.
Сентябри. Влюблённый юный взгляд,
разделивший жизнь на «до» и «после».

Первый поцелуй и разговор
сбивчивый, волнующе-тревожный.
Улыбался сонный светофор,
поморгав зелёным «на дорожку».

Мокрый лист на ветровом стекле.
Постаревший парк. Почти полвека
пронеслось. Лишь светятся во мгле
наш фонарь и вывеска «Аптека».

Путь по линии дождя,
Предрассветных строчек ломкость;
Верить в мудрую негромкость,
Сто дорог пешком пройдя.

Лучше просто помолчать,
Криком не вспугнуть бездонность
Череды ночных бессонниц,
Тишину не растерять.

Выгнулся изгиб Луки
Перевернутой подковой,
Вдаль уйти дорогой новой
Всем приметам вопреки.

Новый взгляд на все четыре стороны –
Путь добра, путь веры, Млечный путь.
Соловьи тревожат, а не вороны,
Разгоняя тучи, мрак и жуть.

Бечевы потерянного времени
Не спеша разматывать клубок.
Сирота без роду и без племени,
Верещит застенчивый сверчок.

Слушать дождь, идущий за околицей,
Строить замки на речном песке,
Верить в то, что за меня помолится
Кто-то там, в далёком далеке.

Бьётся о камни седьмая вода
Там, где крапива да лебеда,
Рвётся сквозь сосны и ельник,
Ищет свой берег кисельный.

Путь в никуда, одиночества путь,
Ложная память, тревожная суть,
В строку не вставлено лыко.
Ждёт переходный калю́ка,

Как зацветут заливные луга,
Радуга встанет над ними дуга,
Спрячутся горе и лихо,
Чтоб их не слыживать слыхом.

Веры в чащобе забьётся родник –
Шёпот журчанья слышнее, чем крик.
Звёзды мерцающим строем
Встанут над вечным покоем.

Полна последней красотой,
стоит тольяттинская осень,
уж вдалеке стучат колёса
зимы, зовущей за собой.

Не заиграться в «может быть»;
слова любви и утешенья,
все, до мельчайшего движенья,
проговорить, пропеть, провить.

Жить постараться просто так,
принять разлуки неизбежность,
простить невеже и невежде,
не продаваться за пятак.

Немой сентябрь. «Бабья выть» —
надежды молчаливый праздник
и шанс в тревожный час ненастья
познать, поверить, полюбить.

Сон деревянных скрипучих дверей,
Хлопают ставни, ёжась от ветра.
Красная стайка смешных снегирей,
Всласть налетавшись, дремлет на ветках.

Белые тайны заснеженных троп,
Чьи-то следы, непонятные звуки.
Росчерки крыльев стремительных скоп.
В чаще – невидимых птиц перестуки.

Прочь убегает дорога сквозь лес,
В мрачных оврагах страшно до жути,
Шёпот деревьев, шорох и треск,
Стрелки сошлись на последней минуте.

Падает, падает, падает снег,
Зиму рисуя бережной краской.
Остановилась в избе на ночлег
Предновогодняя девочка-сказка.

Бережно шуршит вчерашний дождь,
Шевелит притихшие каштаны,
Злой шиповник, как колючий ёж,
Сторожит ненужные фонтаны.

Сторожит несмелый шум воды,
Бережёт последних струй сиротство.
До поры отводит от беды
На краю бездонного колодца.

Ничего не делается зря.
Осоко́рь качается скрипучий,
Скомканные блики фонаря
Освещают дождь на всякий случай.

Между гор, между облаков,
переждав суету веков,
стрелы слов уложив в колчан,
ждёт потомок болгар-волжан
тихой силы небесный знак,
что рассеет ужасный мрак.

Под мерцанье другой звезды
приведут к роднику следы,
сточат струи живой воды
чёрный камень большой беды
и вернут, после страшных снов,
белизну, чистоту снегов.

Замерла в реке вода до весны,
чуть мерцают звёзды в петлях дорог,
ждут спокойно плеска первой волны,
спящей в чаще мастрюковских протоков.

Осняет тишина берега,
полыхают снегири на ветвях,
оттеняют белым-белым снега
сказку зимней чистоты в Жигулях.

Боже, небо просини́,
Мыслью светлой осеню́.
Свежести попросим мы
У горячей о́сени.

Смена времени года,
За окном непогода.
Без тоски и печали
Засыпает природа.

Не найти в жизни брода,
Не сыскать счастья сроду.
О нелёгкой судьбине
Не сложить тихо оду.

Видеть красоту в простых вещах:
Слышать за окошком птичье пенье,
Повстречать рассветы в Жигулях,
Надышаться запахом сирени.

Краем зацепились облака
За курган, рассыпавшись туманом.
Медленно бредут издалека
Теплоходов белых караваны.

Шелестит о чём-то вешний лес,
О своём вдали вздыхает Волга.
Ангелы, слетевшие с небес,
На крыльце расселись втихомолку.

Тишина у каждого своя;
Шёпот, шорох, лёгкое дыханье.
Вечные проблемы бытия,
Вечные вопросы мирозданья.

Ещё не осень. Уже не лето.
Усталый август, взяв два билета,
ждёт ранний «Омик» на речвокзале,
чтобы уехать в родные дали,

Где бабье лето на Лукоречье
зовёт всех в гости на чай под вечер,
сентябрь с утёса ныряет в волны
и замирает в объятьях Волги.

Падают звёзды,
падают яблоки.
Капли на вёслах,
чайки-кораблики.

Топают август
к бабьему лету,
в травах муравных
ёжась от ветра.

Ссорятся с волнами
грозы и ливни,
путают молнии
горные гривы.

Катятся камнями
дни окаянные,
кружат над Волгою
белые ангелы.

Вслушиваться, всматриваться, верить
В первый дождь, грозу и яблонь дым.
Вовсе по другим себя не мерить,
Просто жить под небом голубым.

В тихий час пурпурного заката,
Оставляя белый пенный след,
Вновь уходит в Лукоречье катер,
За кормой оставив сотни лет.

Сотни слов несказанных укроет
Карий сумрак, тень нездешних глаз.
Волжский ветер в соснах тихо воет,
И молчит о чём-то старый вяз.

Жигулей гряда
За рекой-волной.
Сосны в три ряда
Во траве густой.

Копылово мыс,
Жёлтая коса.
Верх утёса лыс,
Неба бирюза.

Лета перелом
Ухает дождём.
Душно и тепло,
Мысли ни о чём.

Рассказать о зимних снах,
о туманах в Жигулях
хочет лютая шишига,
примостившись на ветвях.

Буря небо кроет мглой,
серой стаи дикий вой,
но светлеет над горами
небо утренней зарей.

Вереница снежных дней,
скрип несущихся саней,
неразгаданные тайны
фиолетовых теней.

В белой, белой белизне
вихрем мчатся на коне,
позабыв про всё на свете,
приближая к весне!

Зимняя ночь, непроглядная тьма,
воет усталая вьюга.
Где-то в сугробах, на склонах холма
ветер рыдает белугой.

Дико хохочет безумный буран,
весело набедокурив.
Слушает их Молодецкий курган,
брови сердито нахмутив.

Бог даст, уже не накличат беды
вестники лютой метели.
Бури утихнут до первой звезды,
сгинут во мраке расселин.

Никола Вешний.
Покой безбрежный,
в садах под Стрельной
цветёт черешня.

Расцвёл подснежник
небесно-нежный,
чернеют штольни
и грот Медвежий.

Всё, как и прежде,
на Побережье –
светло, спокойно
и безмятежно.

В суете и суматохе
жизнь на выдохе, на вдохе.
Бьёт в лицо осенний дождь,
колкий, как сердитый ёж.

Заблестела паутина,
крик протяжный лебединый
чуть доносится с небес.
Шелестит, прощаясь, лес.

На деревьях первый иней.
Память с привкусом полыни —
не купить за медный грош
синих глаз святую ложь.

Серебристые закаты;
времена не виноваты.
По развилке двух дорог
осторожно ходит Бог.

Просто не хотелось улетать,
Издали всё выглядит иначе.
Двое на пустой осенней даче
Повернуть пытались время вспять.

Дни стояли тёмные, как дым,
И беда заглядывала в окна.
Серый мир тоски и красок блёклых.
Человек родной вдруг стал чужим.

Завтра непохоже на вчера,
Не войти в распахнутые двери.
Спрятаться в себе, в любви и вере.
Дождь всё льёт и льёт, как из ведра.

Сложно не казаться, сложно – быть,
Времена не думают меняться.
Сильные умеют уходить,
Жаль, что не умеют оставаться.

Расчищаю свои родники,
что затянуты илом и ложью,
по бурьяну, по бездорожью,
по оврагам Самарской Луки.

Отыскать первоцветы в горах,
утонуть в половодье ромашек,
нагадать, намечтать до мурашек
путешествия в карих мирах.

На вечерней заре над рекой
дотлевет полоска заката;
ожидание с привкусом мяты
новой встречи под вечной луной.

Осень. Звёзды.
Мокрая веранда.
Тёплых губ коньячно-терпкий вкус.
Осень. Шёпот:
«Как же ты нежданна,
Как с души упавший тяжкий груз».

Осень мёрзнет
В лозах винограда.
Зимних яблок безнадёжный хруст.
В ветках шорох –
Крестовик над садом
Тенета сплетает в лунный блюз...

Зелень глаз с поволокой
тает в струях дождя,
перечёркнуты строки:
«Уходи, уходя...»

Перечитывать Блока
в пустоте октября,
слышать капли на стёклах
старого фонаря.

Застрекочет сорока,
душу разбередя.
Взгляд зашторенных окон
ощутить, проходя.

Жёлтыми аллеями
Вдвоём,
В грустном настроении
Идём.
Радостно-болтливых клёнов
Рать.
Влюблены, наверно, что с них
Взять.
Медленно, тихонько,
Не спеша,
Где в руке рука, в душе
Душа.

«Я готова уйти в тень,
Если только она твоя».
Изменился на миг мир,
На секунду стал счастлив я.

Но опять – оголённый нерв,
И опять напряжение жил.
Разным был без тебя год,
Но зато я спокойно жил.

Вот и не верь гороскопам.
Лето с осенним привкусом.
Вишен растрёпанные кусты
Рдеют кровавым потоком.

Вот и не верь в совпадения.
Голос из Мир Ликийских.
Под куполами Софийскими
Гулкое песнопенье.

Верить, не верить в приметы?
Соль на озёрах – сливками,
Голубь над ними с оливковой
В клюве зажатой веткою.

Не поминай меня лихом,
Дурным неласковым словом,
Живу я теперь тихо,
Пишу вот стихи снова.

Бьюсь в равнодушия стену,
Ни щёлочки, ни просвета,
Куда же себя дену?
Не дам себя сжить со света.

А где-то ведь есть выход,
И песня не вся спета,
И будет ещё лето.
Не поминай меня лихом...

У кого-то любовь – это первый этаж,
У тебя – небоскрёбы Парижа.
Ты построишь ещё с милым райский шалаш,
Башни Эйфелевой не ниже.

И на лёгкой байдарке уйдёшь по реке.
По Дунаю, по Волге, по Сене.
Будут старые тайны мерцать вдалеке,
Будет вечная память о Сене.

Октябрьские холода,
озябла в реке вода.
Поволжские города,
дрожит Жигулей гряда.
Прошли чередой года,
одна не пришла беда.
Крапива да лебеда
у болдинского пруда,
быльём заросла тропа.
Надрывно кричит скопа,
что выпала из гнезда,
наверное, навсегда.
Кусочки стихов из льда,
октябрьские холода.

Октября серебряные нити
С ветром февраля соединить бы.
Не хватает нужных нежных слов,
И, увы, не пишется стихов.

В стылую январскую неделю
Белые снега «прощай» нам пели.
Переворошив похмелье снов,
Мне, увы, не пишется стихов.

Голубоглазы и юны
Твои вопросы.
Веснушки – солнышки любви,
Глаза раскосы.

Но запах прошлого вдохнув –
Духов «Быть может» -
Пойму, что путами годов,
Как конь, стреножен.

Пройдёт минута, и конец –
Другой не будет.
И жнец, и на дуде игрец,
И неподсуден.

И выбивают клином клин
Судьбы моменты.
Предпочитаю быть один,
Но рядом с кем-то.

Всё вокруг – дождь,
Помни...
Мы с тобой не
ровня.

Бросит кто-то вслед
Комья.
Кто- то поглядит
Томно.

Резко полоснёшь
Взглядом.
Где-то вдалеке,
Рядом.

Дождь по асфальту гоняет
Осени рыжие клочья.
Ветер с трудом разбирает
Струек изломанный почерк.

Мысли не спать заставляют
Тёмной промозглою ночью.
И, торопясь, расставляют
В памяти множество точек...

Дождь плачет за меня
Уже четыре дня,
Печали западня
С вопросами: «Что дальше?»

Дождь плачет за меня,
Мелодией маня,
Смешная малышня –
Семь крупных нотных капель.

Дождь плачет за меня.
Я греюсь у огня,
Судьбину не кляня,
Лишь думаю: «Что дальше?»

Дождь слёз не проронил ни капли
На город сквозь слоистый смог.
А по обочинам дорог –
Кричащий обожжённый лапник.

Туман, туман над пепелищем,
Беззубый постаревший лес,
И опоздавший дождь-дождище
Льёт с прохуdivшихся небес.

Здравствуй, Тольятти! Здравствуй, родной!
Вот и вернулся снова домой!
Вновь бабье лето, старый Обрыв,
Мягко струится Волги извив,
Солнце сияет над Жигулями.
Вот и вернулся...
С вами я, с вами!

Центральной площади жара,
Лик Чудотворца Николая.
Тиха́ весенняя пора,
Задумчиво молчанье мая.

Вмиг разомлели фонари,
Лежат полуденные тени.
Воркуют сонно сизари,
Из парка – аромат сирени.

Легендарная пивная «Тополя»,
После третьей переходим с «фа» на «ля».
Голос пьяный раздаётся: «Наливай!»
Куражу, похмельной дури через край.

И жужжат над пенной кружкой два шмеля,
И разборки: «Вот не надо щас ля-ля!»
И Высоцкий на кассете: «...будто лай:
«На кого ты нас покинул, Николай?»»

Пушкинский парк в Бузулуке

Дуб у Лукоморья – старый тополь,
Кот учёный спрятался в теньке.
На скамье – потомок эфиопа,
«Наше всё» в потертом сюртуке.

Вдоль дорожек – маленькие ели,
Ширь такая, не охватит взгляд!
До небес крылатые качели
Всё летят, летят, летят, летят!

В соцсетях появились фотографии лежащих на земле «пьяных свиристелей». Орнитологи объясняют это тем, что птицы едят забродившие ягоды рябины.

Песни пьяных свиристелей,
танцы пьяных снегирей –
ягод вдруг хмельных наелись.
Лютый пьяный воробей
разогнал воронью стаю.
Группы выпимших грачей,
распоясавшись, плясали
с криками: «Гони гусей!»
А наутро просыпались
под деревьями в траве,
отряхались, похмелялись,
растворяясь в синеве.

Здесь, у кромки бытия,
Только двое – ты и я.
Наши страхи, наши боли,
Тень поросшего былья.

Вопли, крики воронья,
Полосы житья-бытья.
Ворог сумрачный полощет
Ворох грязного белья.

На поляне у ручья
Только двое – ты и я.
Нерастроченная память,
Только наша и ничья.

Тянуло ветром,
Холодной мглой.
Январский вечер,
Угрюмо-злой,
Морозный воздух
Вдыхал степной,
В ночь превращаясь
С большой луной.

Образок нашёл в снегу –
Ясный Божий знак!
Огоньком издалека
Поманил маяк

Светлячком святой любви,
Верности без зла.
Тихо веет по ветру
Горестей зола.

Настежь открыты
Души и двери.
Звери, как люди,
Люди, как звери.

Мудрые книги,
Поиски истин,
Разума игры,
Памяти пристань.

Жить так непросто,
Спрятаться где-то.
Куча вопросов
Вновь без ответов.

Закрываю гештальты,
разбираю скелеты в шкафу.
Сто дорог дальних-дальних
заношу в ожиданий графу.

Диалог с хризантемой –
уголок уцелевший души.
Упоенье поэмой,
не люби, не спеши, не греши.

Невеликое время,
спящий разум, потупленный взор.
Недочитанный «Демон»,
затухающий веры костёр.

В каталоге «Утраты»
не заполнен последний листок.
Вдаль уходят ребята,
как обычно – лицом на восток.

Карельские скалы
в Рачейском бору,
непрошенный странник
застыл на юру,
где дразнится эхо
меж сосен седых,
хотя не до смеха
в том царстве глухих.
На памяти тропах
былого следы,
ушедшего тени
молчат у воды.
Забытого сумрак,
где шёпот, как крик,
дитём неразумным
остался старик.
Бездонное небо,
погосты в крестах,
и звуки молитвы
на стылых губах.

Содержание

3	Последней каплей лета по стеклу
4	Спряталось чудо на ветках калины
5	Плотный туман над Хвалынью
6	Сказки горы Ташу́
7	Вдыхая запах летних трав
8	Поселенье Мусорка
9	Памятник у Спаса-на-Яру
9	Время писем от руки
10	Время отрывных календарей
11	Путь по линии дождя
11	Новый взгляд на все четыре стороны
12	Бьётся о камни седьмая вода
13	Полна последней красотой
14	Сон деревянных скрипучих дверей
15	Бережно шуршит вчерашний дождь
15	Между гор, между облаков
16	Замерла в реке вода до весны
16	Боже, небо просини́
16	Смена времени года
17	Видеть красоту в простых вещах
18	Ещё не осень. Уже не лето
18	Падают звёзды, падают яблоки
19	Вслушиваться, всматриваться, верить
19	Жигулей гряда за рекой-волной
20	Рассказать о зимних снах
21	Зимняя ночь, непроглядная тьма
21	Никола Вешний
22	В суете и суматохе
23	Просто не хотелось улетать
24	Расчищаю свои родники
24	Осень. Звёзды. Мокрая веранда
25	Зелень глаз с поволокой

- 25 Жёлтыми аллеями, вдвоём
26 Я готова уйти в тень
26 Вот и не верь гороскопам
27 Не поминай меня лихом
27 У кого-то любовь – это первый этаж
28 Октябрьские холода
28 Октября серебряные нити
29 Голубоглазы и юны твои вопросы
30 Всё вокруг – дождь
30 Дождь по асфальту гоняет
31 Дождь плачет за меня
31 Дождь слёз не проронил ни капли
32 Здравствуй, Тольятти! Здравствуй, родной!
32 Центральной площади жара
32 Легендарная пивная «Тополя»
33 Пушкинский парк в Бузулуке
33 Песни пьяных свиристелей
34 Здесь, у кромки бытия
34 Тянуло ветром, холодной мглой
35 Образок нашёл в снегу
35 Настежь открыты души и двери
36 Закрываю гештальты
37 Карельские скалы в Рачейском бору

Краснов Семён Васильевич

Путь по линии дождя

Редактор Ирина Кулешова

Корректор Татьяна Малярчук

Художник Анастасия Рогова

